

Су Мучжэнь выставила копьё навстречу, отражая удар. Ножиданно эта женщина, при всей своей красоте, владела мечом мастерски и жестоко. Су Мучжэнь решила захватить её и не стала церемониться. Через несколько приемов, уступая в физической силе, женщина оказалась прижата к земле копьём.

Колени женщины коснулись земли, и она была вынуждена встать на одно колено под давлением оружия. Поражение, казалось, её раздражало: она обернулась и косо посмотрела на Су Мучжэнь, насмехаясь:

— Разве мужчины из Центральных равнин не должны быть галантны к прекрасным дамам? Почему ты так грубо обращаешься со мной?

Су Мучжэнь слегка замерла внутри, хотя румянец на щеках скрыла ночная тьма. Её голос по-прежнему звучал спокойно:

— Кто ты?

Женщина молчала, сердито сверкая глазами.

Су Мучжэнь внутренне вздохнула. Она хотела применить силу и выбить признание, но вспомнила её предыдущие слова и неохотно ослабила нажим. Она схватила женщину за запястье и подтянула вверх:

— Зачем ты явилась к нашему лагерю? Неужели ты из Западных тюрков?

Женщина снова не ответила, отвернув голову и фыркнув:

— Разве не говорят, что мужчины из Срединного государства чтут приличия и не касаются женщин? Ты, нахал, еще и позволяешь себе трогать меня?

Су Мучжэнь усмехнулась. Кого же она поймала в итоге?

— Пойдем в лагерь.

Произнеся это равнодушно, она потеряла всякое желание вступать в пререкания и, крепко держа женщину, повела её под гору. Но как только она повернулась и сделала шаг, женщина резко сжала её руку, перехватила ладонь и со всей силы прикусила её зубами.

— Ай!

Зубы у женщины были отличные, и с одного раза на тыльной стороне ладони Су Мучжэнь выступила кровь. От резкой руки нерв дернулся, и она разжала пальцы. Когда же она попыталась снова схватить беглянку, та оказалась уже далеко: за одно мгновение она добралась до середины склона.

Женщина закинула голову и завывала по-волчьи, и из кустов вспыхнули несколько пар зеленых глаз. Су Мучжэнь похолодела: она знала, что эти зеленые глаза принадлежат не людям, а волкам. Мысль преследовать женщину была отбита стаей, Су Мучжэнь сжала копьё и с гневом посмотрела на неё:

— Подло.

— На войне все средства хороши.

Женщина улыбнулась, изогнув брови, бросила на неё свободный взгляд, а затем, подобно своей стае, мгновенно исчезла в ночной темноте.

Через несколько дней погода стала благоприятной для армии Тан: вдруг поднялся сильный ветер, песок засыпал глаза. Воспользовавшись моментом, Ван Фанъи повел войска прямо на вражеский стан. Грохот барабанов и звон оружия, летевшие со всех сторон, настолько напугали неподготовленных тюрков, что они рассыпались кто куда.

Су Мучжэнь сражалась бок о бок с Ван Фанъи, острие копья находило сердца врагов одного за другим. Среди разлитой повсюду крови она искала знакомый силуэт, но до самого конца так и не нашла её. Глядя на залитую кровью землю, она почему-то вздохнула с облегчением.

Засунув серебряное копье за спину, она вернулась, чтобы соединиться с Ван Фанъи. Эта битва тоже стала большой победой: было уничтожено семь тысяч вражеских солдат, захвачено более трехсот тюрских главарей, а восстание Западных тюрков было полностью подавлено. Су Мучжэнь подумала, что теперь, наверное, сможет вернуться домой в почете. Она потянулась к спрятанному на груди кошельку, но не стала его доставать, а убрала руку. Поднеся правую ладонь к глазам, она смотрела на всё ещё заметный круглый след от укуса и невольно приподняла бровь:

— Даже мазью не проходит, эта девчонка что, оборотень?

□

Весть о том, что армия Тан разгромила мятежников Ашина Чэбо, была доставлена в Чанъань быстрым гонцом. Ли Чжи, услышав о нашей великой победе, радостно рассмеялся и снова и снова хвалил доблесть наших войск, приказав гонцу перечислить отличившихся, чтобы наградить каждого по заслугам.

Гонец, приняв приказ, перечислил всех удостоенных, особо выделив Су Циня и сказав, что тот демонстрирует невероятную храбрость: один воин может остановить десять тысяч.

Ли Чжи, выслушав его рассказ, тоже счел этого юношу весьма доблестным и в радостном настроении пожаловал ему чин генерала пятого ранга — Динъюань-цзянцзюнь, добавив, что когда армия вернется, он непременно лично примет его.

Стоявшая рядом императрица У тоже поддержала его несколькими словами похвалы, но в конце добавила с глубоким подтекстом:

— Су Цинь... Не потомок ли он старого генерала Су? Интересно, кто же этот герой нашей великой Тан.

Брови Шангуань Ванъэр слегка дрогнули. Слова императрицы У содержали явный намек, но так как гонец сказал, что не знает, она не стала допытываться, заметив лишь, что при встрече всё прояснится. Она смутно чувствовала, что императрица что-то знает, и когда позже Ли Линьюэ пришла к ней, она рассказала об этом.

— Как ты думаешь, матушка знает об этом?

Ли Линьюэ нахмурила лоб. В ней тоже закралось сомнение. Зная нрав императрицы У, она понимала: если бы та узнала, что она за спиной матери отправила Мучжэнь в армию, она бы давно вмешалась. Как же она могла позволить ей это? Ведь этот поступок выдавал все её амбиции с головой.

Шангуань Ваньэр взяла её за руку, успокаивая:

— В любом случае, Императрица-мать не вынесла это на суд, так что, даже если знает, не станет тебе препятствовать. Мучжэнь совершила подвиг, а Императрица-мать не жалуется Ван Фаньи, считая его человеком из клана Ванов, и относится к нему с предубеждением. Ей самой не помешал бы тот, кто мог бы его заменить.

Ли Линьюэ кивнула. Это она тоже обдумывала, прежде чем начать это дело. Она знала, что в будущем мать будет уничтожать непокорных военачальников, и тогда Мучжэнь станет прекрасной фигурой на доске. Матушка никогда не решится убить Мучжэнь, а значит, и серьёзно наказывать её не станет. Но...

— Аюэ, с Императрицей-матерью мы сладим, но если об этом узнает Государь...

Шангуань Ваньэр не договорила.

Ли Линьюэ понимала её страхи, и это тоже было её главным опасением. Хотя отец был тяжело болен и уже не мог активно управлять делами, он никогда не позволил бы женщине унаследовать основы государства. Он мог передать управление государственными делами императрице У, но никогда не передаст ей престол. Если отец узнает, что мать в будущем взойдет на трон, он, боюсь, при смерти утащит её с собой в могилу.

— Нельзя, чтобы отец увидел Мучжэнь, — прошептала Ли Линьюэ.

□

Из-за радостной вести о разгроме Западных тюрков болезнь Ли Чжи, казалось, мгновенно отступила. Внезапный подъем вдохновения побудил его лично отправиться на гору Тайшань для совершения Великой церемонии Фэншань.

Это решение развязало узел тревог на сердце у Ли Линьюэ и её спутницы. Когда Шангуань Ваньэр сообщила ей эту новость, Ли Линьюэ обняла её и тихо сказала:

— Тогда нам больше не о чем беспокоиться. Я попрошу Двух Владык взять меня с собой.

Шангуань Ваньэр сжалась в объятиях Ли Линьюэ, и улыбка расползлась по её губам: так они не будут разлучены так надолго. Аюэ была такой заботливой.

Ли Линьюэ, видя скрытую радость Ваньэр, нежно поцеловала её в лоб. Когда же она отошла, на лице её появилась нотка горечи: поездка на церемонию Фэншань означала, что её отец скоро уйдет.

□

Поездка для церемонии Фэншань была грандиозной: военные и гражданские чины, свита и почетный караул, даже придворные дамы из внутренних и внешних покоев — все приняли в ней участие. Ли Линьюэ и Шангуань Ваньэр ехали в одной повозке и разошлись только перед началом церемонии, заняв свои места. Когда Ли Чжи вместе с военными и гражданскими сановниками завершил первую часть жертвоприношения, императрица У только повела придворных дам ко второй части.

С древности церемония Фэншань совершалась только Сыном Неба, и не было прецедента, чтобы императрица следовала за ним. Императрица У стала первой женщиной, совершившей

эту церемонию, и глядя на почтительно склонившихся внизу людей, её лицо светилось торжеством.

Ли Линъюэ смотрела на матушку, восседавшую на высоте, затем перевела взгляд на отца, которого матушка уговорила взять её с собой, и тихо вздохнула. Если бы у отца был шанс родиться заново, дни матушки стали бы, наверное, горше.

По окончании церемонии Ли Линъюэ не ожидала, что матушка предложит отцу воспользоваться моментом и совершить церемонию Фэншань еще раз, на средней горе — Суншань. Ли Чжи, видимо, еще не исчерпал своего вдохновения и согласился, повелев построить дворец Фэнтянь к югу от горы Суншань.

Дворец Фэнтянь стоил огромных средств, но был совершенно бесполезен; за исключением того, что Ли Чжи посещал его дважды, последующие императоры почти никогда там не бывали. Брови Ли Линъюэ слегка сдвинулись: она не одобряла этот поступок. Она подняла глаза и тайно взглянула на Шангуань Ваньэр, но увидела, что та тоже хмурит брови. Они переглянулись, улыбнулись, обменялись понимающим взглядом и последовали за Двумя Владыками во дворец.

По дороге Шангуань Ваньэр вдруг понизила голос и с участием спросила Ли Линъюэ:

— Принцесса, почему ты такая печальная? Тебя что-то тревожит?

— Когда я в детстве следовала за Двумя Владыками в Восточную столицу, мы столкнулись с голодом, и на дорогах встречались умершие от голода. Тогда у меня возникла мысль создать Благотворительный дом, и лишь несколько лет назад я начала внедрять его в Чанъане и Восточной столице. Я думаю, что в местах, которых я не видела, бедняков не меньше. Строительство дворцов требует тяжких трудов и расходов народа. Если бы отец мог потратить эти деньги на Благотворительные дома, это было бы лучше.

Ли Линъюэ тоже понизила голос, но говорила достаточно громко, чтобы её могли услышать шедшие впереди Ли Чжи и его супруга.

Шаги впереди остановились. Ли Чжи не ожидал, что маленькая дочь имеет такие суждения. Он обернулся и с удивлением посмотрел на неё:

— Аюэ.

Ли Линъюэ вздрогнула, сделала вид, что падает на колени, и сказала:

— Дочь говорила невпопад, не взыщи, отец.

<http://bllate.org/book/17694/1651819>